

еще существовать духовные идеалы и ценностные устремления? как происходит засасывание человека жизненной рутинной, его превращение в пошлое, ограниченное в своих интересах, невежественно-агрессивное и самодовольное существо? может ли человек преодолеть пошлость и жизненную рутину, сможет ли он, по выражению А. П. Чехова, «выдавить из себя раба»? и почему служение высшим целям всеобщего благоденствия обязательно оборачивается трагедией для вступающего на этот путь?

Чем глубже поэт размышлял над этими — и как сейчас понятно — ключевыми проблемами своего творчества, тем более для него становилось ясно, что нравственное отторжение или выставление на посмешище пошлого человека совсем не решение их, что власть рутины носит куда более универсальный характер и имеет ни с чем не сравнимое влияние на людей, что она нуждается еще и в глубоком антропологическом исследовании самой природы ее, более того, в микроанализе тончайших душевных движений во внутреннем мире человека, каждого человеческого «я».

Сегодня, вероятно, можно уже бесспорно констатировать, что генетически вся некрасовская экзистенциально-гуманистическая и бытийная проблематика восходит к комплексу абсолютно-ценностного романтического идеализма и мистифицированного антропологизма. Уже понятно, что лирический субъект поэтического сборника «Мечты и звуки» не просто «рядился» в «роковые» западно-балладные или восточно-куртуазные жанрово-стилевые одежды, овладевал приемами отвлеченно-высокого философствования или религиозно-этических иеремиад и экзальтированных молитв. Он в ставших ему доступными художественных формах остро переживал и проживал возможность собственной причастности к высшим началам бытия и трагизм романтической антиномии мира горнего, фантазийного, исполненного неземных красот, духовного совершенства, творческой самореализации, эстетической гармонии, — и мира дольнего, погруженного в страсти и корыстные расчеты, преданного блуду, лжи, попранию человеческого достоинства, отмеченного скудоумием, властью рутины и пошлости. Жизненный, культурный и духовный кризис, пережитый начинающим стихотворцем в первый же год его пребывания в столице, вывел юношу на уровень фундаментальных раздумий о природе человеческого «я» вообще и своего собственного в частности.

С начала 1840-х годов на смену прежней универсальной антитезе «гения» и «толпы», искусства и обыденности, культуры и невежества, духовности и пошлости пришла внутренне весьма дифференцированная оппозиция лирического *субъекта*, жаждущего идеала, жречески возжигающего в своей душе этот огонь, и *мира*, «обложившего» его со всех сторон житейской рутинной, утилитарностью и чванством, душевным примитивом и воинствующим насилием. С одной стороны, взыскующее лирическое «я» поэта остро ощущает ужас обезличивания, свою (и людскую вообще) незащищенность от власти рутины, с другой — оно же трагически осознает в окружающих и в самом себе разрушительные следствия тлетворного влияния пошлости.

С этого момента начинается формирование в творчестве Некрасова диссоциирующихся друг от друга и кристаллизирующихся в собственном качестве самостоятельных линий его поэтической (и не только) проблематики. В числе этих сквозных линий некрасовской проблематики выделим в качестве определяющих *социально-событийную, морально-идеологическую, культурно-историческую, ментально-психологическую, экзистенциально-духовную и метафизически-бытийную*.

Ранние лирические произведения поэта, включая его поэтические опыты начала 1840-х годов, в плане представленности названных линий худо-